

На могиле отца

Уже второй год подруга просит меня, чтобы я поехала вместе с ней в Польшу, где, по сведениям от Международного Красного Креста, находится могила её отца, отца, которого она, можно сказать, никогда не видела (ей было только два года, когда он в числе первых добровольцев ушёл на фронт). По иронии судьбы ему, солдату, а затем и офицеру, дошедшему почти до Берлина, суждено было в последние дни войны быть смертельно раненым и оказаться в бывшем немецком госпитале польского города Бытомь, который до войны был немецким городом.

РОК! СУДЬБА! И ничего с этим нельзя сделать!

Пройти всю войну от первого до последнего дня, находясь почти всё время на передовой, более того, не получив за все эти более тысячи страшных дней войны ни единого ранения, - и погибнуть. Умереть в чужой стране, в бывшем немецком госпитале и быть похороненным на польской земле, на бывшем немецком кладбище ...

И вот, наконец, надежда моей подруги сбылась: мы отправились в Польшу. Отправились с малой надеждой отыскать истинное место захоронения. Ехали долго: как ни как 1200 км. В дороге подруга читала мне письма отца с фронта, адресованные её матери. Она читала, а я, в прямом смысле этого слова, заливалась слезами.

ВОЙНА! Страшное слово! А ещё страшней для тех, кто её пережил, кто в ней участвовал, кто все эти страшные годы ни единого часа, ни единой минуты не был в состоянии отогнать от себя мысли «что будет завтра?», «что будет через час?». Гибли люди, гибли товарищи, друзья, родные! Каждое отступление, а потом наступление, приносило новые жертвы. И видеть всё это рядом - просто невыносимо. Единственная, пусть даже малая надежда увидеть своих детей, своих близких заставляла людей не думать о смерти. Поразительные письма! Сколько ласки и нежности к жене! Сколько удивительных «поучений», не нравочений, а именно, поучений, в этих письмах. Старшей доченьке пишет: «Аллочка, ты уже взрослая, смотри, в этом году в школу пойдёшь, будь умницей, не только хорошо учись, но и маме помогай, да и эту малышку Римку не оставляй без надзора, она ведь ещё ничего не понимает в жизни, а ты ведь уже большая, умная девочка ...» и т. д.

«Большая!» В семь лет уже «взрослая!» Да! Война! Сколько же ты семей и жизней уничтожила! И ради чего? Но не об этом сейчас речь ... А о том, что у людей в горе, у людей в невыносимо жестоких условиях жизни открываются их поистине прекрасные человеческие качества! Какая-то особая забота, трогательная любовь и необыкновенное чувство нежности и доброты.

Когда подруга кончила читать, я тихо произнесла: «Даже если нам и не удастся найти конкретно место, где похоронен твой отец, он и так оставил после себя памятник: свои письма». Подруга промолчала, только я увидела, как она украдкой смахнула слезу.

На следующий день мы уже были в городе Бытомь, который сразу же после войны стал польским городом. Нельзя сказать, что с большим трудом, хотя не сразу, но нам удалось найти кладбище, где, по имеющимся у нас данным, должно быть место захоронения отца моей подруги. Конечно, прошло 55 лет, надеяться, что существует могила, именно могила, мы не могли. Место и так много значит. Подъехали к дому, в котором жители г. Бытом заказывают гроб и необходимые последние ритуалы прощания с умершими.

Уже внешний облик всего этого поразил нас. На углу скрещивания нескольких улиц стоит одноэтажный дом из красного тёмного кирпича, к нему с одной стороны примыкает небольшая церквушка, вернее, костёл, в котором происходит отпевание и прощание с умершим. Перед домом, напротив костёла, как бы на пьедестале стоит роскошная старинная чёрная карета: поразительно красивая, величественная. В прежние времена в упряжке лошадей она была предназначена в последнюю дорогу, на кладбище, которое находится тут же, не более чем в ста метрах от костёла. Всё это создаёт атмосферу не угнетённости, а какой-то торжественности. Я не ошиблась в выборе этого слова, именно: торжественности.

Войдя в помещение, мы спросили, где бюро. Нам показали. В комнате, называемой бюро, сидели за компьютером две женщины. Комната большая. Здесь же в несколько рядов стояли гробы: разнообразные. Мы отметили, что все они сделаны умело, изящно, красиво. И ни одного в чёрном траурном цвете. Мы сказали этим женщинам, что нас сюда привело, и обратились к ним за помощью. Старшая попросила младшую, чтобы та занялась нами. Пока младшая по компьютеру искала могилу, я внутри себя не могла избавиться от чувства, что, придя сюда, не ощущаю «дыхания смерти». Наоборот, эти красивые женщины, их приветливость, вся обстановка создавали как бы гармонию вечности, перехода жизни из одного состояния в другое, непостижимое для нас: из состояния движения в состояние созерцания, из ощущений живой плоти в состояние ощущения души, из реальности в нереальность.

Девушка с сожалением сказала, что в компьютере нужной информации не найдено. Тогда пани Ирена, так представилась нам старшая, успокоила нас: «Пожалуйста, извините меня, я сейчас закончу с клиентом и займусь вами. Постараюсь помочь. Бажена, - обратилась она к молодой, - предложи гостям чай или же кофе». Бажена это с радостью исполнила. Оказалось, что Бажена - дочь пани Ирены, она работает вместе с мамой в этом бюро, которое является их собственностью.

Очаровательное создание лет 22-24-х, с белокурыми длинными волосами, тёмными, как вишни, глазами, тоненькая, словно берёзка. И такая девушка, созданная быть «моделью» или же актрисой, работает здесь, в похоронном бюро.

«Спасибо за кофе, Бажена, тебе, наверное, прохода не дают поклонники?!» Она рассмеялась: «К сожалению, нет. Была дурочкой, в 16 лет родила сынишку, а сейчас, наверное, это многих отпугивает»

- «Успокойся, конечно, нет! Просто не встретила ещё «своего», единственного!» «А Вы встретили?», как-то просто, по-детски спросила. «Встретила, - ответила я, - но, к сожалению, упустила... Не думала, что именно он «единственный». Со временем поняла ... А у тебя такое красивое имя - Бажена», специально перевела на другую тему, не хотелось воспоминаний. «Бажена! Имя от Бога!» - «да», тихо ответила. «А вот и мама к вашим услугам».

Не буду описывать, сколько времени ушло на поиски. Пани Ирена, действительно, чародей! Она даже проштудировала страницы книги, начатой в 1930 году, где были записаны все, кто умер в этом госпитале вплоть до 1946 года. И вот удача! Нашли! Даже номер могилы, значит и место.

С ощущением чего-то необыкновенного вошли мы в калитку кладбища, где находилась могила отца моей подруги. Нашли! Но это мало! Мы отыскали не только место, где лежит её отец. Мы увидели мраморную плиту с выгравированной фамилией, именем и отчеством, годом рождения, датой смерти. Нашли могилу человека из далёкой России, в чужой земле, ранее принадлежавшей врагам, с которыми боролся русский офицер.

Могила! Ухоженная, чистая, вокруг травка аккуратно подстрижена, чувствуется, что с любовью. Стояли мы над этой могилой, молча, как бы застывшие в оцепенении. Слёзы тихо струились по нашим щекам, падали на плиту с высеченным именем «Я. И. Шульманов (1905 - 1945)».

О чём думала дочь, стоя у могилы своего отца, которого, можно сказать, никогда не видела, дочь, которая в данный момент на много старше своего отца в ту пору, отдавшего молодость и жизнь, чтобы могла жить она?

Вот год назад похоронила маму, которой дала слово, что непременно найдёт могилу отца. Страшно пережила этот момент. Всегда видела свою мать сильной, здоровой, строгой. Помнит, что в детстве они с Аллой боялись её, и ещё как! И не дай Боже, если ослушались, или же не выполнили того, что мама им приказала". Да и не только они её боялись.

Вон вся деревня - тоже! Ну, может, деревня и не боялась её, зато очень уважала, ценила, да и

любила, наверное. Молодая! Красивая! Певунья, да ещё с образованием! А когда почти все мужики ушли на фронт, стала она председателем колхоза. А кто другой? Надо же и деревню сохранить, и людям дать есть, да и фронту помочь.

В то время думали только об одном: выжить, победить врага, и дай Боже, чтобы свои уцелели.

Пуля глупа, никто не знает когда и в кого она угодит ...

А Риммина мама, казалось, несмотря на непосильную работу, была счастлива: дети здоровы, а от мужа вот уже четвёртый год всё письма получает. А сколько уже знакомых, близких война унесла?! Да и дети хорошие... Вот Алла – лучшая ученица, да и младшая через год в школу пойдёт, а читать уже научилась. Радость-то будет отцу! И радость, и гордость.

9 мая 1945 г. ПОБЕДА!!! Состояние невыносимой радости. Даже в семьях, которые потеряли своих близких. А для Мины - ещё больше: скоро вернётся муж. «Скоро придёт ваш папа», говорила она детям. «Скоро!»

Конец июля 1945. Прошло более двух месяцев после окончания войны. И как гром среди ясного неба: похоронная!

Этот день Римма запомнила на всю жизнь. А ведь ей было тогда только пят с половиной лет! Может, именно сейчас, спустя 55 лет, стоя у могилы своего отца, она вспомнила день, когда была получена «похоронка». А, может, вспомнила мать, которая по воле судьбы тоже похоронена в чужой земле?!

Молча наклонилась к могиле, что-то прошептала, я не услышала. Затем сняла с шеи косыночку, аккуратно её развернула, стала на колени, взяла у изголовья горсточку земли и бережно, с каким-то благоговением, положила в платочек, плотно завернув его. «Это я отвезу маме, отец мой», еле слышно проговорила и медленно поднялась с колен.

Ещё несколько минут стояла дочь над могилой отца. Стояла с закрытыми глазами. Затем резко повернулась и, ни слова не говоря, направилась к калитке кладбища.

Вернулись к пани Ирине. Поблагодарили. Нас ждала неожиданность. И только тогда я поняла, почему пани Ирина спросила: «Какие цветы Вы и мама любите больше всех?» Римма ответила: «Маки и красные ГВОЗДИКИ».

И вот сейчас нас ждал чудесный букет из искусственных белых и красных гвоздик с живой выщелся травкой. Это был не просто букет, это было то, что никогда не забывается. Момент понимания. Момент причастия, соболезнования, одним словом, гамма чувств, присущая людям только с большим, добрым сердцем. Для нас это было потрясение. Эти две обыкновенные женщины в этом незаурядном похоронном бюро рядом с маленькой церквушкой и торжественно возвышающейся старинной каретой стали для нас, а какой-то степени символом. Горе, скорбь, невозвратимость потери близких может быть торжественно-трогательной, мучительно-изматывающей, но, вместе с тем, высоко одухотворённой. И это происходит в похоронном бюро г. Бытошь, которое принадлежит двум обыкновенно-необыкновенным женщинам: матери и дочери.

Второй раз мы вернулись на кладбище, чтобы положить этот прекрасный букет из гвоздик, любимых цветов отца Риммы.

Огляделись. Стоит, как бы на холме, огромный обелиск в память русским воинам, освободившим Европу от фашизма. От обелиска в четыре стороны, но только в два ряда похоронены офицеры. Большое количество могил, но уже солдат, расходятся тоже в четыре стороны, и здесь уже семь-восемь рядов в каждом квадрате, да и в рядах большое количество могил. Много безымянных. Всё это создаёт впечатление масштабности. Кладбище до 1943 года было немецким, в данный момент - польское и, главное, действующее ...

А этот памятник освободителям и победителям! Всё ухожено, чисто и величественно.

Кладбище огромное, напоминающее ботанический сад.

Сделали несколько снимков: обещали внуку Якова Ефимовича Алёше. Положили у изголовья

гвоздики и зажгли лампадку, тоже красного цвета, напоминающего обелиск. Вернулись в бюро, ещё раз поблагодарили за помощь и понимание. Подошли к машине. Около машины стояла монахиня, в руках у неё такой же букет из красных и белых гвоздик и красная лампадка. Молча протянула их нам и тихо произнесла: «Пани Ирена и пани Божена просили это передать жене похороненного у нас», и от себя добавила: «Дай Боже, чтобы эти цветы воссоединили их души там, - показала на небо и еле слышно промолвила: «Аминь!»

Инна Корогид.